

05
3-81

ымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотекѣ городскихъ училищъ.

Годъ изданія десятый.

ЯНВАРЬ.

№ 5.

1917.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СЪ ВЫСОКОЙ СКАЛЫ.
СВѢТЛЯЧОКЪ.
ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ (стих.).
ПРІЕМЫШЪ (повѣсть).
СТАРАЯ СОБАКА. (стих.).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Англійскій загородный домъ—для склеиванія.

608633

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

608633/1 КХ-мг/5

Российская государственная
детская библиотека

95
3-82

№ 5. Январь. 1917.

Годъ изданія X-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ! СЪ НОВЫМЪ СЧАСТЬЕМЪ!

Оба стали смотрѣть на клочкавшее море. Что-то темное теперь ясно виднѣлось у камней.

СЪ ВЫСОКОЙ СКАЛЫ.

(Новогодній разсказъ).

Ярко-красный, красивый, но предвѣщавшій вѣтеръ, закатъ озарилъ землю и море въ какіе-то волшебные цвѣта. Весь западъ пылалъ такъ, точно тамъ, за моремъ, былъ громадный пожаръ, и столпившіяся на горизонтѣ облака казались то вылитыми изъ жидкаго золота, а то сгущенными изъ чернаго, фабричнаго дыма. Это была какая-то удивительная смѣсь яркихъ и мрачныхъ красокъ на небѣ, точно безграничная радость нарушалась тамъ вспышками суроваго гнѣва или безысходнаго горя. Море казалось расплавленнымъ металломъ и сверкало пурпуромъ и золотомъ. Рыбачьи лодки съ опущенными парусами, тихо плывшія къ берегу, тоже казались красными, такими-же были и сидѣвшіе въ нихъ, утомленные за день рыбаки. Кругомъ было тихо, точно все замерло, и только надъ водой летали стайками чайки и жалобно кричали.

На самомъ верху скалы, выростающей изъ моря, стоялъ домикъ, маленькій, хорошенькій, съ большимъ окномъ и съ зелеными ставнями. Въ сравненіи съ громадной скалой онъ казался маленькимъ гнѣздышкомъ и при взглядѣ на него было странно, что люди могли поселиться такъ высоко. Въ десяти минутахъ ходьбы отъ него, тамъ, гдѣ

скала уже снижалась и переходила въ плоскій берегъ, находилась небольшая рыбацья дерегушка съ бѣлой, крошечной церковью. Когда на ней звонили, то рыбаки слышали звонъ колокола далеко въ морѣ и онъ казался имъ ласковымъ призывомъ домой. Любили его и обитатели маленькаго домика на скалѣ, но ни церкви, ни дерегушки имъ видно не было: онѣ скрывались въ котловинѣ за выступомъ. Мѣсто для этого домика было выбрано очень неудачно: во время бури, когда бѣсно вался вѣтеръ, то онъ весь дрожалъ и скрипѣлъ, а около торчавшихъ изъ воды внизу камней море шумѣло такъ сильно, что въ домикѣ нельзя было разговаривать шепотомъ. Самымъ опаснымъ изъ камней былъ тотъ, который находился дальше всѣхъ и почти не возвышался надъ уровнемъ моря. Объ него уже не разъ во время бури разбивались корабли и для того-то и былъ выстроенъ этотъ домикъ, чтобы тотъ, кто въ немъ обиталъ, могъ во время замѣтить шедшій прямо на этотъ камень корабль и предостеречь его.

Но въ этотъ вечеръ все кругомъ было такъ красиво и спокойно, что не хотѣлось даже вѣрить, что когда-нибудь могло бы быть иначе. При взглядѣ на это прекрасное, спокойное море трудно было предста-

вить себѣ бурю, бѣдствія и то, что эта тишина и этотъ красивый закатъ были только временными, а главное—предвѣщали именно бѣду.

— Такъ всегда бываетъ!.. говорили между собой рыбаки,—Передъ бурей всегда бываетъ такой закатъ! По-скорѣе-бы возвращались съ моря наши товарищи!..

Поля въ этотъ вечеръ сидѣла у себя въ кухонкѣ въ этомъ самомъ домикѣ на скалѣ и думала о своемъ отцѣ, который уже вторья сутки былъ въ морѣ, ловилъ тамъ рыбу. Съ догадливостью одиннадцатилѣтняго ребенка она поглядывала съ тревогой на пылавшій закатъ и тоже ожидала бурю. Ея отца, Ивана, не ожидали домой въ эту ночь; онъ долженъ былъ возвратиться еще только завтра къ вечеру; но предвидѣлъ-ли онъ тамъ, въ морѣ, бурю? Знаетъ-ли онъ тамъ теперь, что означаетъ этотъ зловѣщій закатъ? Поля задавала себѣ эти вопросы и безпокойное чувство прокрадывалось ей въ сердце. А тутъ еще съ самага утра на весь домъ кричитъ ея маленькій братишка и нечѣмъ его унять: должно быть, у него заболѣлъ животъ. Больна и мать. Она лежитъ уже давно, вся исхудала, какъ щепка, кашляетъ, жалуется на боль въ боку. Заходили сосѣдки изъ деревушки, поговорили, поахали и ушли. Пріѣзжалъ и фельдшеръ: онъ осмотрѣлъ больную, покачалъ головой и уѣхалъ. И маленькая Поля осталась на всѣ

эти три дня въ домѣ одна за хозяйку и съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія съ моря отца. Былъ у Поля еще и другой братъ — Вася. Ему было десять лѣтъ и онъ гостилъ сейчасъ въ деревушкѣ у своего товарища. Сейчасъ онъ вернется домой, она накормитъ его, онъ уляжется спать—и на цѣлую ночь она останется одна. Это будетъ длинная-длинная ночь, такъ какъ ей вовсе не придется заснуть: она будетъ безпокоиться за отца, ее будетъ безпокоить маленькій Тоська и кромѣ того нужно будетъ посидѣть около матери. Бѣдная мать! Тоська оретъ во все горло—ей хочется самой унять его, приласкать, позаботиться о немъ, и она не можетъ.

Возвращается Вася, набрасывается, какъ голодный шакалъ, на ужинъ, съѣдаетъ его и укладывается спать. Закатъ гаснетъ, все въ природѣ тускнѣетъ и становится сѣрымъ и затѣмъ переходитъ постепенно въ темную ночь. Въ домикѣ водворяется тишина. Унялся и Тоська наконецъ. Только слышно, какъ по-сапываетъ Вася, да иной разъ глубоко вздыхаетъ больная. Стучатъ маятникомъ большіе часы. Затѣмъ впадаетъ въ забытье и мать—и маленькая Поля остается бодрствующей во всемъ домикѣ на скалѣ одна. Она садится у окошка, подпираетъ кулачкомъ подбородокъ и смотритъ въ темную даль. Не видно ничего. Ей хочется спать, слипаются глаза,

но она должна глядѣть на море всю ночь. Для этого нанять ея отецъ, но онъ, воспользовавшись такой погодой, ушелъ въ море, и она должна была теперь замѣнить и его. Нужно-же и ему увеличить чѣмъ-нибудь свой заработокъ! Такъ вѣдь теперь стало дорого жить!

Но что это? Неужели уже поднимается вѣтеръ? Да, да! Уже слышно, какъ внизу шумитъ море и сквозь щели окна стало такъ дуть, что у Поли озябло плечо. Неужели дѣйствительно будетъ буря? Теперь это уже несомнѣнно. Значитъ, красивый закатъ былъ не къ добру.

Точно сорвавшійся съ цѣпи, вѣтеръ прошелся по поверхности моря, взбаломутилъ ее, забурлилъ и побѣжалъ далѣе къ берегу. Море испугалось его и, точно желая спастись отъ него, тоже побѣжало на скалы. Онъ перегналъ его, забѣжалъ опять назадъ и погналъ его на скалы снова. Волны полѣзли одна на другую, стали разбиваться о подводные и надводные камни на миллионы брызгъ, поднялся ропотъ и шумъ—и не прошло и часа, какъ началась страшная буря, которую сдержать не могло уже ничто.

Поля ухватилась обѣими руками за подоконникъ и въ страхѣ стала вглядываться въ темноту. По прежнему посапывалъ Вася, стонала во снѣ мать, стучали часы, но весь домикъ на скалѣ дрожалъ отъ порывовъ вѣтра и каждую минуту чу-

дилось, что вотъ-вотъ съ него сорвется крыша и улетитъ въ море.

Поля все еще надѣялась, что ея отецъ въ безопасности. Онъ не могъ не предвидѣть этой бури уже по самому закату солнца. Навѣрное, онъ уже доплылъ куда-нибудь до берега въ другомъ мѣстѣ и находится тамъ въ безопасности. Такъ онъ дѣлалъ уже не разъ. Завтра утромъ онъ неожиданно явится и будетъ шутить надъ трусостью своей Поли. Но какое-то безпокойное чувство закрадывалось ей въ сердце. Была уже полночь, отъ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей горѣли глаза, но спать уже не хотѣлось: Поля переутомилась и все равно не смогла-бы уснуть, даже если-бы и легла. Время тянулось мучительно долго. Вѣтеръ потрясалъ домикомъ, море бѣсновалось внизу, всему этому не видѣлось конца и такъ хотѣлось скорѣе разсвѣта! Поля положила голову на локти и ей показалось, что она на минуту задремала. Но ей это только такъ показалось: она ясно слышала, какъ часы зашипѣли и пробили часъ.

И вдругъ она вздрогнула. Гдѣ-то вдалькѣ раздался выстрѣлъ и затѣмъ на церковной колокольнѣ въ селеніи стали тревожно звонить. Выстрѣлъ повторился. Потомъ еще и еще. Значитъ и тамъ не возвратились во-время рыбаки, и ихъ близкіе съ тревогой ждутъ ихъ возвращенія, оттого и стали звонить.

въ колокола и стрѣлять изъ ружей: авось запоздавшіе услышатъ ихъ призывъ и повернуть къ берегу. Въ этомъ кипящемъ котлѣ, который сейчасъ представляетъ собою море, такъ вѣдь легко теперь заблудиться и не найти дорогу домой!

— Помоги имъ Богъ!.. шепчетъ Поля и крестится, стараясь поступить такъ, какъ это дѣлала ея мать, когда была здорова и когда буря заставляла рыбаковъ въ морѣ.

Затѣмъ звонъ и выстрѣлы смолкаютъ—и снова тянется безконечное время.

— Тикъ-такъ... тикъ-такъ... тикъ-такъ!..медленноотчеканиваютъ часы.

Потомъ они бьютъ два.

И вдругъ опять выстрѣлъ! Поля вздрагиваетъ и вновь вглядывается въ темное пространство. На этотъ разъ кто-то стрѣляетъ уже съ моря. Очевидно, это кто-нибудь изъ рыбаковъ возвращается домой и никакъ не можетъ войти между камней въ бухту. Онъ выстрѣлилъ, чтобы обратить на себя вниманіе на берегу.Если-бы былъ дома отецъ Поли, то онъ навѣрное зажегъ-бы на скалѣ большой костеръ и его огонь служилъ-бы путникамъ вмѣсто маяка; а теперь этого сдѣлать некому и тотъ, кто стрѣляетъ теперь на морѣ, долженъ неминуемо погибнуть. Поля растворяетъ окно и всматривается въ темноту. Да, она не ошиблась: тамъ внизу, почти у самыхъ камней, гдѣ волны кипятъ, какъ въ котлѣ, виднѣтся что-то

еще болѣе темное, чѣмъ ночь. Это уже цѣлая шкуна. Ребенокъ отлично знаетъ расположеніе всѣхъ камней и для него не остается никакихъ сомнѣній, что она неминуемо должна о нихъ разбиться.

— Бѣдная!.. шепчетъ она.—Неужели-же ее никто не услышитъ тамъ, внизу? Неужели ей не подадутъ помощи?

И она начинаетъ ожидать. Сердце ея бьется. Проходятъ мучительныя минуты и она не видитъ, чтобы кто-нибудь побѣжалъ съ фонаремъ по берегу или чтобы раздались внизу голоса рыбаковъ, спѣшавшихъ къ спасательному боту. А между тѣмъ нужда становится все сильнѣе и *настойчивѣе и опасность ближе. Шкуны уже не видно и только откуда-то снизу все еще раздаются по временамъ выстрѣлы: бумъ-бумъ! Ясно, что въ селеніи заснули уже всѣ и никто ихъ не слышитъ.

— Что-же дѣлать?.. шепчетъ Поля.—Боженька, научи меня, что дѣлать?

Пробуждается мать, приподнимается на постели, прислушивается къ выстрѣламъ и начинаетъ беспокоиться. Поля подходитъ къ ней и старается успокоить ее точно послѣ увидѣннаго тяжелого сна.

— Успокойся, мамочка!.. говоритъ она. — Тебѣ такъ показалось! Это такъ... Ничего... Успокойся, милая!

Но выстрѣлы раздаются съ моря одинъ за другимъ.

— Это онъ... говоритъ мать,—

твой отецъ... Онъ тамъ погибаетъ!.. Его надо спасти, но ты еще дитя, безсильна и мала. Нужно сбѣгать поскорѣе въ деревню, разбудить тамъ всѣхъ и сказать имъ, что твой отецъ въ опасности. Вѣтеръ относитъ отъ нихъ звуки выстрѣловъ. Бѣги, дитя мое, и подними тревогу! И... да поможетъ тебѣ Богъ!..

Она валится на подушку и вновь впадаетъ въ забытѣе.

Дѣвочка набрасываетъ на себя пальтишко и выбѣгаетъ на воздухъ. Вѣтеръ подхватываетъ ее и тонесетъ передъ собою, то отбрасываетъ назадъ, и кружить вокругъ нея пыль. Ей холодно, ея ноги скользятъ, она наталкивается въ темнотѣ на торчащія камни и нѣсколько разъ падаетъ. Пробѣжавъ такъ съ четверть версты, она вспоминаетъ, что дома не осталось никого, что мать ея одна и ей некому даже подать пить, — и ужасъ наполняетъ ея сердце. Что теперь дѣлать? Конечно, можно было бы послать вмѣсто себя въ селеніе Васю, но онъ еще малъ и трусливъ... Какъ-же быть? Пойти-ли ей самой? Продолжать-ли ей самой путь? Или, быть можетъ, вернуться домой?

А внизу, у камней, все еще раздается время отъ времени выстрѣловъ и кто-то зоветъ къ себѣ на помощь.

— Боженька, что мнѣ дѣлать? воскликнула Поля и положила руку на бившееся сердце.— Научи меня,

какъ поступить? Вѣдь пока я добѣгу до людей, и разбужу ихъ, онъ тамъ погибнетъ! Все равно они не успѣютъ его спасти!..

И ей сразу представилась возможная картина: если-бы въ эту бурю былъ дома ея отецъ и такъ-же вотъ, какъ и теперь, снизу донеслись вдругъ до него выстрѣлы погибавшаго, то навѣрное онъ позабылъ-бы о всѣхъ своихъ — и о больной женѣ, и о дѣтяхъ, — бросилъ-бы все и поспѣшилъ-бы на подачу помощи самъ. Неужели-же она не его родная дочь? Неужели она будетъ терять даромъ время на прогулку въ селеніе и обратно и не попытается спасти погибающаго сама?

И съ бившимся сердцемъ, съ пылавшими щеками она побѣжала обратно домой. Войдя въ домикъ, она подошла къ постели больной: ея мать все еще была въ забытѣи и что-то бормотала невнятное.

— Мама!.. окликнула ее Поля.

Больная не пошевелилась.

Тогда дѣвочка легко вздохнула и побѣжала въ сосѣдную комнатку. Тамъ безмятежно спалъ Вася.

— Вася, проснись! крикнула она.— Открой скорѣе глаза! У нашей скалы погибаетъ чей-то корабль!

— А? Что? вскочилъ Вася и сталъ протирать себѣ глаза.

— У нашей скалы погибаетъ кто-то. Слышишь стрѣляетъ?.. Вставай скорѣе!..

— Кто-же погибаетъ?..

— Я не знаю... Въ темнотѣ не

видно... Чей-то баркасъ или, можетъ быть, цѣлый корабль!.. Вставай скорѣе! Быть можетъ, это нашъ отецъ.

Вася вскочилъ, быстро одѣлся и вмѣстѣ съ Полей выбѣжалъ въ сосѣдную комнату. Въ это время разорвались на небѣ тучи и выглянула луна. Поля встала на колѣни на лавку, Вася вскочилъ на лавку съ ногами и распахнулъ окно. Оба стали смотрѣть на клочкавшее море. Что-то темное теперь ясно виднѣлось у камней.

Это былъ цѣлый корабль. Онъ потерпѣлъ крушеніе и стоялъ, приткнувшись къ выступавшему изъ моря утесу. При слабомъ свѣтѣ луны теперь можно было рассмотреть толпившихся на немъ пассажировъ. Громадныя волны обливали его со всѣхъ сторонъ.

— Успѣю-ли я еще добѣжать до селенія? задала Поля безнадежный вопросъ.—Продержится-ли это судно еще хоть съ полчаса?

Но для нея и самой было теперь ясно, что судно продержится еще съ часъ, но не болѣе, и она соскочила со скамейки и приготовилась бѣжать. Сердце ея наполнилось радостью: значить, это погибаль не ея отецъ. Онъ теперь находился въ безопасности, гдѣ-нибудь въ открытомъ морѣ или въ сосѣдней надежной бухтѣ.

— Бѣги! Успѣешь! крикнулъ ей Вася.—А я здѣсь не буду спать и посижу около мамы!

Она опять набросила на плечи пальто и побѣжала въ селеніе. Вѣтеръ подхватилъ ее и понесъ ее вмѣстѣ съ собою. Ноги у нея подкашивались, дыханіе прерывалось и она не надѣялась на свои силы.

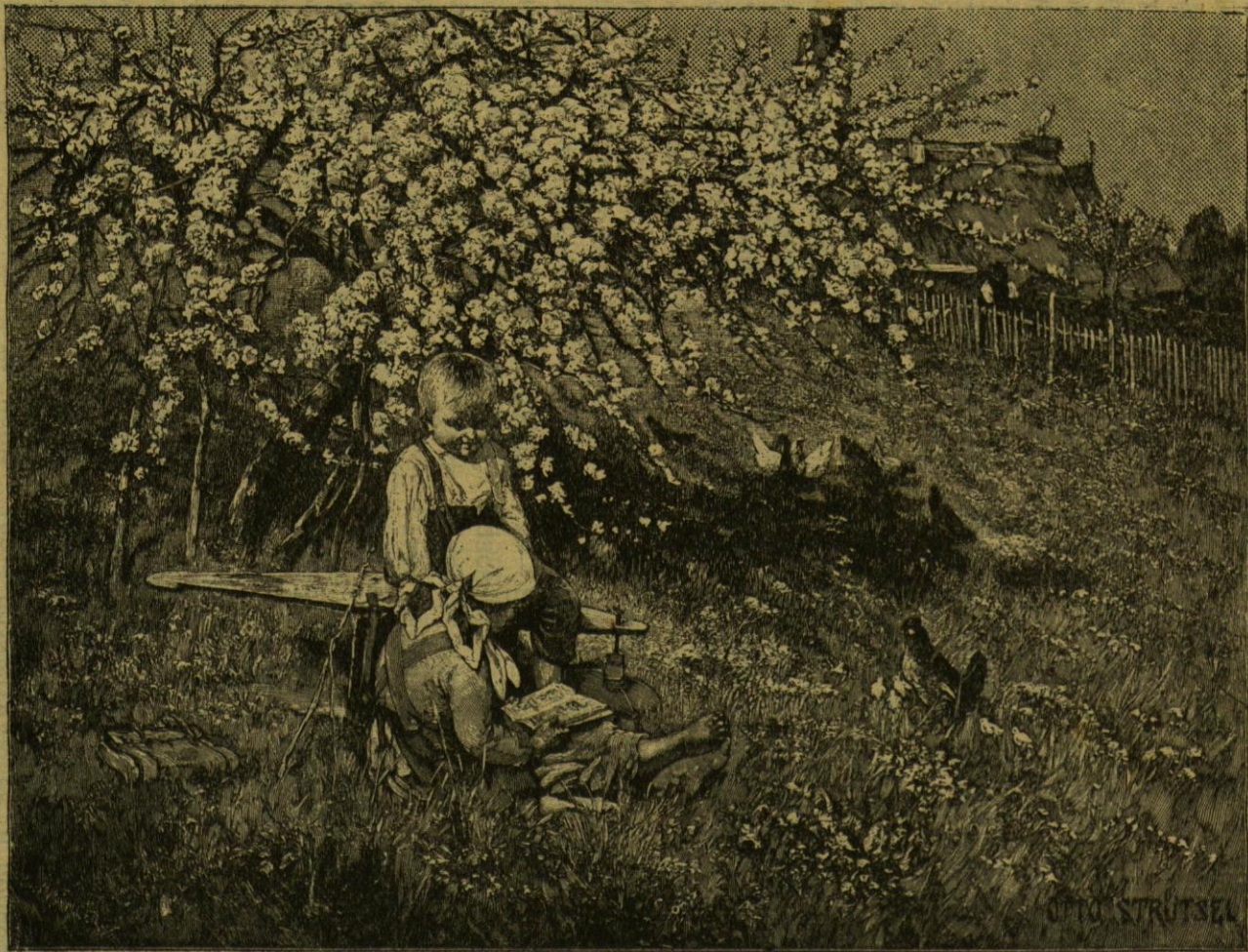
А какъ только она ушла, Вася захлопнулъ окошко и убѣдившись, что его мать и братишка спятъ, тоже выбѣжалъ изъ домика и сдѣлалъ то, что всегда въ такихъ случаяхъ дѣлалъ его отецъ: онъ привязалъ къ палкѣ тряпку, зажегъ ее и сталъ ею широко размахивать въ воздухѣ. Вѣтеръ раздувалъ огонь и разсыпалъ отъ него искры.

— Бодритесь! кричалъ Вася погибавшимъ со скалы.—Сейчасъ къ вамъ подоспѣетъ помощь!

Но вѣтеръ разносилъ его тоненькій голосокъ, тряпка скоро догорѣла и огонь потухъ. Замѣтили-ли его съ погибавшаго корабля? Блещуль-ли для его пассажировъ въ этомъ огонькѣ лучъ надежды?

А вѣтеръ все дулъ и дулъ, тучи снова заволокли все небо и море стало ревѣть еще сильнѣе.

Но вотъ и селеніе. Всѣ въ немъ спятъ глубокимъ сномъ. Поля добѣгаетъ до него и, усталая, запыхавшись, не знаетъ, къ кому постучаться и съ чего начать. Около нея бѣлѣетъ маленькая церковь. Съ ея колокольни спускается веревка, за которую сторожъ обыкновенно отбиваетъ часы. Но въ такую бурную ночь и сторожъ спитъ крѣпко дома. Поля вдругъ сообра-

На лонѣ природы.

— Не догнать!

жаеть, подбѣгаетъ къ колокольнѣ, хватается за веревку и изо всѣхъ силъ начинаетъ бить въ набать.

— Бемъ-бемъ-бемъ-бемъ!..

Хлещетъ ослѣпляющій дождь, дуеетъ вѣтеръ и у берега шумятъ волны. Поля промокла насквозь. Кое-гдѣ въ избушкахъ зажигаются огни и изъ дверей показываются темныя фигуры рыбаковъ. Онѣ кутаются въ плащи и спросоньяжимаются отъ стужи.

— Въ чемъ дѣло? спрашиваютъ онѣ, подходя къ церкви. — Почему ты, сторожъ, звонишь?

Но, увидѣвъ маленькую дѣвочку, рыбаки останавливаются въ удивленіи.

— Что такое? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.—Что случилось?

— У большой скалы терпитъ крушеніе корабль!.. кричитъ ему Поля.— Его надо спасти! Спѣшите скорѣе, иначе будетъ поздно!

— Какой корабль?

— Не знаю... На немъ много пассажировъ! Если вы опоздаете, то отъ него не останется ничего.

— Но чья-же это дѣвочка?

— Это—Полька, дочь надсмотрщика Ивана.

— А гдѣ-же самъ Иванъ?

— Онъ уже вторыя сутки въ морѣ!

— Такъ собирайтесь, братцы, поскорѣе! Гдѣ багры? Берите фонари, весла и веревки! Эй, кто еще тамъ? Бѣгите скорѣе сюда всѣ! Выдвигайте спасательный ботъ изъ сарая!

Скорѣе-же, торопитесь, иначе будетъ уже поздно! Да перестань ты, дѣвочка, зря звонить!

И рыбаки толпой берутся за работу, выдвигаютъ ботъ, усаживаются въ него, взмахиваютъ, веслами и выплываютъ въ море. Ихъ подхватываютъ волны и сразу-же далеко выносятъ въ море. Поля видитъ только слабое мерзаніе фонаря, но скоро скрывается и оно— и она со всѣхъ ногъ бѣжитъ къ себѣ домой.

«Что-то теперь тамъ дѣлаетъ больная мама?» думаетъ она.—«Не заснулъ-ли около нея Вася?»

Но Вася не спитъ. Онъ стоитъ у окна и глядитъ на море. Тамъ уже мелькаютъ у погибающаго корабля огоньки. Это подплылъ къ нему спасательный ботъ. Дѣвочка подходитъ къ брату на цыпочкахъ, чтобы не потревожить мать, обнимаетъ его за плечи и тоже начинаетъ глядѣть въ окно. Все еще буря и вѣтеръ и внизу ревъ волнъ. Но выстрѣловъ уже не слышно. Опять разрываются облака и дѣти видятъ, какъ спасательный ботъ то и дѣло возвращается отъ корабля къ берегу, высаживаетъ спасенныхъ пассажировъ и отплываетъ къ мѣсту катастрофы снова. Онъ это дѣлаетъ нѣсколько разъ и когда спасаетъ всѣхъ до одного, то корабль погружается въ воду и тонетъ.

Старшій изъ рыбаковъ взбирается затѣмъ на скалу и входитъ въ домикъ, у окна котораго все еще

стоятъ Поля и Вася и чего-то ждутъ. Но все уже окончено, спасены семьдесятъ человѣкъ, и дѣтямъ ждать больше уже нечего и пора идти спать. Но они не могутъ.

— Милая дѣвочка, обращается старшій рыбакъ къ Полѣ. — Тебѣ обязаны жизнью столько людей! Если-бы не ты, то всѣ они погибли бы навѣки. Пусть-же благословитъ тебя Господь!

И онъ подходитъ къ ней, обнимаетъ ее грубыми, мозолистыми руками и цѣлуетъ въ лобъ. Она ощущаетъ на своемъ лицѣ его жесткую, мокрую бороду и конфузливо отвѣчаетъ:

— Я не знала... Я думала, что тамъ папа... Я, право, не виновата...

И она начинаетъ рыдать. Но это слезы облегченія. Онѣ успокаиваютъ ее послѣ всего пережитого, она чувствуетъ наконецъ сладкую дремоту и желаніе лечь и спать, спать безъ конца.

Рыбакъ уходитъ. Она вытираетъ глаза, беретъ Васю за руку и выводитъ его въ сосѣдную комнату.

— Не будемъ мѣшать мамѣ! говоритъ она.—Давай ляжемъ здѣсь спать!

И оба, какъ были, въ одеждѣ, они ложатся на отцовскую постель и, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, какъ котятки, сладко засыпаютъ.

На утро пріѣзжаетъ ихъ отецъ, узнаетъ въ селеніи обо всемъ, приходитъ домой, но ихъ не будитъ. Пускай ихъ спятъ себѣ на здоровьѣ! Они такъ оба волновались!

Онъ цѣлуетъ ихъ въ раскраснѣвшіяся щеки и отходитъ къ больной женѣ. О, если-бы и она тоже пережила эту свою бурю въ здоровьѣ и такъ-же, какъ и погибавшіе пассажиры, встала на твердую почву и считала-бы себя спасенной! Какимъ-бы счастьемъ повѣяло тогда въ этомъ маленькомъ, одинокомъ домикѣ на высокой скалѣ!..

— Будемъ надѣяться!.. шепчетъ онъ. — Будемъ надѣяться! На все воля Господня!..

М. Б—скій.

СВѢТЛЯЧЕКЪ.

Дуня была сирота. Кто-то подкинулъ ее къ теткѣ Ѳедосьѣ, а та, несмотря на бѣдность, взяла ее къ себѣ и воспитала. Онѣ жили на самомъ краю деревни и питались только тѣмъ, что Ѳедосья зарабатывала своимъ трудомъ. Она сѣяла полоску льна, трепала его и ткала изъ него холстъ. Дуня относила холстъ въ сосѣднее село къ лавочнику Егору Ивановичу и приносила за него домой два или три рубля, на которые обѣ онѣ и жили потомъ цѣлый мѣсяцъ. Но какъ-то случилось однажды, что Ѳедосьѣ удалось наткать холста сразу на цѣлые пять рублей. Она скатала его, завязала въ платокъ и послала съ нимъ Дуню къ Егору Ивановичу.

— Ну, Дуня, сказала она, — теперь не зѣвай и не гляди по сторонамъ, когда пойдешь изъ Никулина домой! Егоръ Иванычъ дастъ тебѣ пять рублей. Смотри, ихъ не потеряй! А то будетъ горе большое!

Дуня взяла отъ Ѳедосьи холстъ, захватила огрызокъ сахару, чтобы отдать его по дорогѣ своему любимцу — маленькому Гришкѣ, и отправилась исполнять порученіе.

Было жарко. На поляхъ жали и всѣ женщины были въ полѣ. Мужчины свозили снопы и складывали ихъ въ риги. Высоко подъ облаками пѣли жаворонки, такъ что ихъ нельзя было увидѣть глазомъ, и такъ пекло

солнце, что такъ и тянуло къ водѣ, въ рѣку, сверкавшую внизу за оврагомъ. Дуня шла съ серьезнымъ видомъ по пыльной дорогѣ и несла тяжелый для нея холстъ. Два или три раза она останавливалась, клала свою ношу на землю и утирала со лба потъ.

— Уфъ, жарко! говорила она и встряхивала отежшими руками. — Какой тяжелый холстъ!

Вокругъ нея летали бабочки, трещали насѣкомыя, ей навстрѣчу попадались полевые цвѣты и она слушала звуки и радовалась цвѣтамъ — и это развлекало ее по пути.

Но вотъ уже и Никулино. Вотъ лавка Егора Иваныча. На ней ярко-зеленая, только что выкрашенная, желѣзная крыша, которая сверкаетъ на солнцѣ.

— Здравствуй, умница! встрѣчаетъ Дуню самъ Егоръ Иванычъ, толстый, съ растегнутымъ воротомъ, весь лоснящійся отъ пота. — Что принесла?

— Да вотъ тетенька прислала вамъ холста... отвѣчаетъ Дуня.

Егоръ Иванычъ разворачиваетъ холстъ, проводитъ по немъ рукой и третъ его между пальцами. Затѣмъ онъ снова скатываетъ его, кладетъ на полку, достаетъ изъ сморщенного кошелька пяти-рублевую золотую монету и протягиваетъ ее къ Дунѣ.

— Только не потеряй, говоритъ онъ.—Спрячь подальше.

Дуня зажимаетъ монету въ кулакъ и опускаетъ вмѣстѣ съ нею руку въ карманъ.

Егоръ Иванычъ достаетъ изъ жестианки нѣсколько кружочковъ монпасе и даетъ ей.

— А это тебѣ... говоритъ онъ.

Дуня кладетъ леденцы въ тотъ-же карманъ и отправляется домой.

Вокругъ нея по прежнему трещать кузнечики, поютъ высоко жаворонки и летаютъ бабочки. Во рту у нея леденецъ. Она съѣла уже три и у нея остались только два и тотъ огрызокъ сахару, который она захватила для Гришутки.

Но вотъ и околица. У самага вѣзда въ деревню стоитъ старая-престарая ива. Это—единственное дерево во всей деревнѣ, дающее тѣнь. Теперь подъ нимъ сидитъ Катька и нянчить Гришутку. Этотъ Гришутка такой забавный! У него такія толстыя щеки, точно онъ надулъ ротъ, и вотъ-вотъ онъ отъ натуги лопнуть! Катька вяжетъ чулокъ, а Гришутка тутъ-же ползаетъ по травѣ.

— Здравствуй, Катя! обращается къ подругѣ Дуня.

И, нагнувшись надъ своимъ любимцемъ, она цѣлуетъ его въ пухлую щеку.

— А я тебѣ что-то принесла! говоритъ она.

Ей жарко и хочется отдохнуть. Подъ старой ивой такъ тѣнисто и

прохладно! Что, если она присядетъ около своей подруги и поиграетъ съ Гришуткой?

И она поднимаетъ съ травы Гришутку, усаживается рядомъ съ Катькой и кладетъ къ себѣ мальчика на колѣни.

— А я тебѣ что-то принесла, повторяетъ она.—Ищи! Если найдешь, то будетъ твое!

Гришка уже знаетъ, что у Дуни всегда приготовленъ для него огрызокъ сахару. Онъ запускаетъ свою толстую руку къ ней въ карманъ, достаетъ оттуда красненькую конфетку и суетъ ее къ себѣ въ ротъ.

— Дай и мнѣ! говоритъ Катька.

Дуня лѣзетъ въ карманъ и нашариваетъ въ немъ монету, огрызокъ сахару и леденецъ.

— Здѣсь... говоритъ она себѣ про деньги.—Цѣлы... Какъ-бы ихъ не потерять!..

Она отдаетъ Катькѣ леденецъ и начинаетъ ей рассказывать, какъ сейчасъ ходила съ холстомъ въ Никулино къ Егору Ивановичу и какъ онъ далъ ей пять конфетокъ. У него на лавкѣ покрасили сегодня крышу и она такая яркая, блестящая, точно на церкви... А въ лавкѣ у него столько на полкахъ пряниковъ и разныхъ сластей, что не съѣсть и за цѣлый годъ... Вотъ-бы пустить туда хозяйками ее и Катьку! Какъ-бы онъ тамъ надолго и всласть наѣлись!

Ипока она рассказываетъ, Гришка лѣзетъ къ ней въ карманъ и, неза-

мѣтно для нея, достаетъ оттуда кусочекъ сахару. Отправивъ его къ себѣ въ ротъ, онъ снова лѣзетъ туда-же и на этотъ разъ достаетъ изъ него уже золотую манету.

— На нижней полкѣ у Егора Иваныча, съ увлеченіемъ продолжаетъ Дуня,—стоятъ жестянки и ящики... А въ ящикахъ все пряники—бѣлые и красные. По копейкѣ штука... Когда тетенька дастъ мнѣ копейку, то я пойду и куплю.

Гришутка повертѣлъ монету въ рукахъ, пососалъ ее, а потомъ повернулся на колѣняхъ у Дуни и сунулъ ее въ щель, образовавшуюся отъ времени въ корѣ старой ивы. Дуня не замѣтила этого и все еще продолжала рассказывать о томъ, какіе товары въ лавкѣ у Егора Иваныча и что она купитъ, когда вырастетъ большая. Катька слушала ее съ большимъ интересомъ и обѣ подруги были очень удивлены, когда увидѣли, что мимо нихъ вдругъ прошли вереницей крестьяне съ поля.

— Неужели уже двѣнадцать часовъ? спохватилась Катька.

— А что? спросила Дуня.

— Да наши уже идутъ съ поля обѣдать!

Какъ скоро пролетѣло время! Теперь тетка-Федосья должно быть ужъ заждалась Дуню, и беспокоится. Обѣ дѣвочки вскочили и тоже собирались домой.

— Ну, прощай! сказала Катька,

принимая отъ Дуни Гришутку.— Приходи!

— Хорошо, приду!

И онѣ разстались.

Когда Дуня пришла къ себѣ домой, то на теткѣ Федосьѣ не было лица. Такъ она боялась за Дуню.

— Ну, наконецъ-то ты! воскликнула она, увидѣвъ свою воспитанницу.—А я все жду, да жду!.. Ужъ не случилось-ли, думаю, чего-нибудь съ тобой? Ужъ не ограбилъ-ли тебя кто-нибудь! Застала Егора Иваныча? Отдала ему холстъ?

— Отдала, — отвѣтила Дуня.— Вотъ и деньги!

Она сунула руку въ карманъ, да такъ и обомлѣла. Смертельная блѣдность покрыла вдругъ ей лицо и она стала чувствовать, что полъ поколебался подъ ея ногами и потолокъ готовъ былъ рухнуть ей на голову. Монеты въ карманѣ не оказалось. Она пошарила въ немъ разъ и другой, она вывернула его, но все было напрасно.

Въ нѣмомъ отчаяніи она закрыла руками лицо и опустилась на колѣни. Затѣмъ, когда прошелъ первый порывъ отчаянія, когда она сознала весь ужасъ своего положенія, она вскочила на ноги, бросилась къ старушкѣ на шею и стала рыдать.

— Потеряла!.. всхлипывала она.— Потеряла!..

Тетка Федосья всплеснула руками и молча, въ безсиліи, опустилась на лавку.

И долго продолжалась эта нѣмая сцена отчаянія. А затѣмъ она стала плакать. Наплакавшись досыта, она успокоилась, отерла слезы и подошла къ рыдавшей на постелѣ Дунѣ.

— Ну, будетъ! сказала она. — Успокойся... Богъ далъ, Богъ и взялъ... Чего ужъ тутъ убиваться? Значить, такая ужъ судьба... Давай-ка поѣдимъ лучше хлѣбца, да похлебаемъ молочка! Поѣсть что-то охота... А ты не плачь, милая, успокойся! За чѣмъ такъ надрываться? Оботри себѣ глазки, да давай обѣдать! Богъ поможетъ!

Дѣвочка поднялась съ постели, отерла глаза и подошла къ столу. Старуха нарѣзала хлѣба, налила въ чашку молока, достала двѣ ложки и обѣ онѣ стали обѣдать.

— Вѣдь я сама бралась за деньги, когда сидѣла съ Катькой подъ ивой! нарушила вдругъ молчаніе Дуня.— Я еще подумала: «Слава Богу, деньги здѣсь, цѣлы»...

— Значить, потеряла ихъ, когда бѣжала по деревнѣ... отвѣтила старуха.

Послѣ обѣда дѣвочка отправилась на поиски. Она осмотрѣла каждую травинку, каждый листокъ, она обшарила всѣ кочки, пересыпала съ мѣста на мѣста всю пыль, но поиски остались безрезультатны: монета не нашлась. Какъ теперь вернуться домой? Какъ теперь поглядѣть старухѣ въ глаза? Цѣлые два мѣсяца ея старческія руки и

глаза трудились надъ тканьемъ этого злополучнаго холста и вотъ теперь эти труды пропали даромъ и бѣдная старуха должна остаться ни съ чѣмъ!

— Какая я дура!—бранила себя Дуня, обшаривая траву.—Точно мнѣ не десятый годъ, а всего только три!

И съ пустыми руками, ни съ чѣмъ она вернулась домой. Она сѣла у окна и подперши подбородокъ кулачкомъ, не мигая, стала смотрѣть въ открывавшееся передъ нею поле.

Спускался тихій вечеръ. Съ пѣснями возвратились крестьяне съ работъ, прогнали мимо стадо и оно подняло по дорогѣ еще долго стоящую въ воздухѣ пыль. Въ хлѣву тетка-Федосья доила корову и слышно было, какъ молоко струилось по жестяному ведру. Закричали на прудѣ лягушки и съ шумомъ промчались вдоль деревни мальчики на коняхъ, гнавшіе ихъ въ ночное. Затѣмъ сумерки сгустились и въ каждой избѣ замерцалъ огонекъ. Зажглись на небѣ двѣ-три звѣзды. Дуня не смогла долѣе сидѣть въ горницѣ и вышла на улицу.

Мальчикъ ея лѣтъ—Сеня бѣжалъ мимо нея откуда-то издалека. Онъ что-то несъ въ кулакѣ и разглядывалъ въ темотѣ.

— Что ты несешь?—спросила его Дуня.—Откуда ты бѣжишь?

— Поймалъ свѣтляка! отвѣтилъ онъ.

— А ну, покажи!

Мальчикъ разжалъ передъ нею

На рѣкѣ Нилѣ въ Египтѣ.

Старая собака.

ладонь и дѣвочка увидала на ней свѣтлячка.

— Сейчасъ онъ не свѣтитъ, ска- залъ Сеня,—потому что боится и закрылъ свои фонарики, а вотъ стоитъ только положить его на траву, какъ онъ засвѣтитъ опять.

Онъ положилъ насѣкомое на землю и оно дѣйствительно засвѣ- тилось снова двумя зеленовато-го- лубыми огоньками.

— Гдѣ ты его поймалъ? спросила Дуня.

— У околицы, на старой ивѣ. Онъ ползъ по ея корѣ, а я его подстерегъ и поймалъ. Учитель намъ рассказывалъ, что онъ свѣтитъ ночью для того, чтобы своимъ свѣ- томъ подманить къ себѣ другого та- кого-же свѣтляка, какъ и онъ. А можетъ быть и для того, чтобы ночная птица могла его лучше замѣтить и съѣсть. Тоже вѣдь и пти- камъ ночью нужно питаться!

Сеня поднялъ съ земли свѣтлячка, но такъ не удачно, что опять его уронилъ.

— Ушибся... сказалъ онъ. — Не свѣтитъ...

И положивъ его къ себѣ на ла- донь, онъ поднесъ его къ глазамъ.

— Нѣтъ, еще живой!.. сказалъ онъ.—А я думалъ, что онъ уже издохъ!

Дунѣ стало жаль насѣкомое.

— На что онъ тебѣ нуженъ? сказала она.—Что ты будешь съ нимъ дѣлать? Отнеси его туда, гдѣ

взялъ! У него, можетъ быть, тамъ дѣти—сироты остались!

Мальчикъ съ жалостью посмот- рѣлъ на свѣтлячка.

— А я не зналъ! отвѣтилъ онъ со вздохомъ.—Только сейчасъ уже поздно... Мнѣ нужно идти домой...

— Дай его сюда! сказала Дуня.— Я отнесу его туда сама и онъ бу- детъ за тебя Богу молить!

Сеня передалъ ей свѣтлячка и зашлепалъ босыми ногами къ себѣ домой, а она приблизила ладонь ко рту и стала на насѣкомое дышать. Согревшее ея дыханіемъ, оно зашеве- лилось и открыло свои фонари у нея прямо на рукѣ. Она обрадова- лась и со всѣхъ ногъ бросилась къ старой ивѣ. Теперь, въ темнотѣ она походила на взерошенную го- лову великана, на толстой шеѣ торчавшую прямо изъ земли. Дуня подошла къ ней и стала огляды- вать ея стволъ.

— Куда-бы мнѣ тебя положить? проговорила она.—Если я положу тебя на траву, то мальчишки бу- дутъ возвращаться съ ночного, уви- дятъ тебя и возьмутъ. А то еще прилетитъ откуда-нибудь сова и съѣстъ тебя! Куда-бы мнѣ спря- тать тебя такъ, что бы не замѣтилъ никто?

И она вдругъ вспомнила о той щели на стволѣ ивы, которая обра- зовалась въ немъ отъ времени и находилась у самой земли.

— Вотъ что,—подумала она.—

Спрячу я его туда! Тамъ его не увидитъ никто!

Она приблизилась къ ивѣ, нагнулась къ ея подошвѣ и нашарила на ней въ темнотѣ знакомую щель. Затѣмъ, взявъ бережно свѣтлячка, она осторожно сунула его въ нее. Тотчасъ же онъ открылъ свои фонари и освѣтилъ ими всю внутренность этой щели.

Но что это? Неужели она ошиблась? Что это заблестало рядомъ съ свѣтлячкомъ и отразило на себѣ его огоньки?

Дуня нагнулась еще ниже и заглянула глубже въ щель. Въ ней лежала ея золотая пяти-рублевая монета, которую далъ ей Егоръ Ивановичъ, и тихонько отражала въ себѣ голубовато-зелененькіе огоньки

Дѣвочка схватилась за сердце рукой, потомъ вскочила на ноги и въ волненіи стала набожно креститься и повторять:

— Нашла, нашла! Слава тебѣ, Господи! Спасибо Тебѣ, Боженька, что Ты меня пожалѣлъ!

И полная радости, она достала изъ щели монету и со всѣхъ ногъ побѣжала съ ней къ себѣ домой.

Тетка-Федосья сидѣла у печи и грустно смотрѣла передъ собой. На лицѣ ея были написаны тоска и горькое сожалѣніе о пропавшемъ зара-

боткѣ. Увидѣвъ воспитанницу, такъ поздно возвращавшуюся домой, она поднялась съ мѣста и сказала:

— Пора уже спать!.. Гдѣ ты тамъ ходишь одна?.. Небось горюешь такъ, что и мѣста себѣ не найдешь?.. Ну, полно, милая, успокойся! Помолись Боженькѣ, да и ложись спать!

Но вмѣсто отвѣта Дуня бросилась къ ней на шею, долго цѣловала въ старое морщинистое лицо, а потомъ достала изъ кармана монету и молча втиснула ей ее въ руку.

— Вотъ тебѣ,—сказала она.— Получай!

Старушка подошла къ лампочкѣ и, не вѣря глазамъ, долго разсматривала передъ нею монету.

— Гдѣ ты ее нашла?—спросила она ее.—Кто тебѣ помогъ?

Она весело размѣялась.

— Свѣтлячекъ!—воскликнула она и снова бросилась цѣловать Федосью.

Гіальмаръ.

Свѣтлячки.

608633

Российская государственная
детская библиотека

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Всѣ въ сборѣ... Ждутъ... Стучать тарелки...
Сейчасъ вино для всѣхъ нальютъ.
И дѣти даже не жуютъ,
А все глядятъ, какъ обѣ стрѣлки
Сойдутся и часы пробьютъ.

Какъ долго годъ нейдетъ желанный!
Но чу! часы уже шипятъ,
Ужъ слышенъ бой—и для ребятъ
Насталъ моментъ, такъ долго жданный,
И всѣ они «ура» кричатъ.

Вскочили взрослые и дѣтки,
Шумятъ, цѣлуются, стучать...

А губки дѣтскія твердятъ:—
— «О, Новый годъ! Зачѣмъ такъ рѣдки
Такія встрѣчи для ребятъ?»

Одна лишь бабушка вздыхаетъ:—
— «Давно-ль, давно-ль былъ Новый годъ?
«Какъ скоро время-то летаетъ!
«Едва оглянешься,—и вотъ
«Опять годъ новый настааетъ...
«Охъ, что-то онъ съ собой несетъ!»»

Кузнечикъ.

П Р І Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Прошла осень, прошла зима—и птицы, стали свѣтлыми и прозрач-
вотъ уже середина мая. Все это ными задумчивыя сѣверныя ночи и
время дѣти усидчиво занимались и Женя все свободное отъ занятій вре-
готовились къ предстоящему посту- мя стала проводить на дворѣ. Ее за-
плению въ гимназію. Зазеленѣли де нимало все: и прилетѣть грачей, и воз-
дерева, запестрѣли на лугахъ пер- вратившіеся скворцы и побѣжавшіе
вые цвѣты и потянуло теплымъ, съ горокъ ручьи. А когда сталъ одѣ-
ласковымъ вѣтеркомъ. Защебетали ваться въ первую зелень лѣсъ и

воздухъ наполнился ароматомъ, отъ котораго хотѣлось еще глубже и чаще дышать, то Женя положительно приходила въ восторгъ и все казалось ей новымъ и интереснымъ, полнымъ нѣжнаго чувства и скромной, трогательной красоты.

— Ну, что, Женя? обращался къ ней Сергѣй Андреевичъ. — Какъ тебѣ нравится наша сѣверная весна?

Она не отвѣчала, только улыбалась и по ея лицу онъ видѣлъ, что ей стало нравиться на далекой чужбинѣ и что если-бы около нея была ея няня Наталья Кирилловна, о которой она все еще вспоминала и говорила, то она не желала-бы больше ничего.

Дима усиленно готовился къ экзамену. Ѳедоръ Степановичъ нѣсколько разъ уже проэкзаменовалъ Женю и она оказалась достаточно подготовленной, теперь пройдетъ еще недѣля—и они отправятся въ Ярославль поступать въ гимназію и это теперь наполняло всю ихъ жизнь.

«Что, если я провалюсь?» думала Женя.

Но вотъ прошла и эта недѣля. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, Прасковья достала изъ чулана чемоданы и началась укладка въ нихъ вещей. На кухнѣ пекли на дорогу пирожки и жарили птицу и котлеты. Дима взадъ и впередъ ходилъ по аллеямъ парка и, высоко поднявъ голову, заучивалъ наизусть стихи. Ѳедоръ Степановичъ тоже

суетился около своихъ вещей, а Сергѣй Андреевичъ, глядя на всеобщую спѣшку, подшучивалъ надъ Женей и говорилъ, что оставитъ ее въ усадьбѣ одну и въ городъ ее со всѣми не возьметъ.

Укладку окончили только къ десяти часамъ вечера и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправились въ послѣдній разъ гулять. Было свѣтло, какъ днемъ. Пѣли птицы, гдѣ-то за паркомъ побрякивали бубенчиками лошади, выпущенныя пастись на всю ночь, и кругомъ стоялъ такой ароматъ, что не хотѣлось уходить со двора домой и какъ-то недумалось даже вовсе и о снѣ.

— Ну, дѣтки, обратился наконецъ къ Женѣ и Димѣ Сергѣй Андреевичъ, — пора ужъ и спать. Завтра рано утромъ намъ подадутъ экипажъ и хотѣлось-бы выѣхать пораньше. Идите, мои милые, спать!

Всѣ отправились въ домъ. Взойдя на крыльцо, еще постояли немного и любовались на ночь. Летали взадъ и впередъ жуки, по прежнему кричали птицы и Женѣ вдругъ стало какъ-то жаль разставаться съ этимъ домомъ и паркомъ, въ которыхъ она провела осень и зиму и встрѣтила теперь радостную, душистую весну.

— Пора, пора! сказалъ наконецъ Сергѣй Андреевичъ и отправился къ себѣ въ кабинетъ.

Дѣти разошлись по своимъ постелькамъ, долго думали о предстоящей завтрашней поѣздкѣ и на-

конецъ уснули крѣпкимъ, счастливымъ сномъ.

Рано утромъ къ Женѣ уже постучалась Прасковья.

— Барышня! говорила она.—Пора вставать! Дяденька уже вставши!.. Лошади уже подаены!

Женя вскочила, подбѣжала къ окну и дѣйствительно увидѣла у крыльца лошадей. Значить, это не сонъ. Она дѣйствительно поѣдетъ сегодня въ городъ. Какое счастье!

И съ непостоянствомъ ребенка она позабыла уже о паркѣ, съ которымъ только вчера вечеромъ ей жаль было расставаться, и стала быстро собираться въ путь.

Было раннее утро, уже щебетали птицы и мычалъ протяжно скотъ. Изъ сосѣдняго села доносился звонъ: это благовѣстили къ заутренѣ. Когда Женя вошла въ столовую, то тамъ была въ сборѣ уже вся семья. Напились чаю, поѣли и стали затѣмъ увязывать подушки и одѣяла и выносить вещи на крыльцо. Одѣлись. По обычаю присѣли на минутку, потомъ поднялись, простились и отправились садиться въ экипажъ. Сергѣй Андреевичъ, Ѳедоръ Степановичъ и Вѣрочка сѣли рядомъ, а Дима и Женя пристроились на передней лавочкѣ. Нина Петровна оставалась дома и все время ихъ черезъ окно крестила.

— Трогай! сказалъ наконецъ Сергѣй Андреевичъ и перекрестился и самъ.—Счастливаго пути! закричали имъ вслѣдъ.

Лошади дернули и потащили экипажъ изъ усадьбы. Забренчали бубенчики, застучали о дорогу лошадиныя копыта—и передъ Женей протянулись озимыя поля, лѣса и кустарники. Передъ нею развѣртывалась новая, еще невѣдомая для нея жизнь, а позади нея, все болѣе и болѣе удаляясь, утопала въ голубой дали усадьба и въ ней одинокая фигура Прасковьи у воротъ, которая глядѣла вслѣдъ убѣгавшему экипажу и, утирая глаза концами фартука, испытывала такое чувство, точно сразу осиротѣла.

— На кого ты меня оставила одну? причитала она.—Ангель ты мой прекрасный! Какъ я здѣсь буду безъ тебя одна-одинешенька? Пропала моя головушка бѣдная!

Женя ѣхала и глядѣла по сторонамъ и не могла наглядѣться на дремучіе лѣса, на зеленую, какъ изумрудъ, озимь и на деревни и села, мимо которыхъ имъ пришлось проѣзжать. И ей казалось страннымъ, что только въ прошломъ году, когда она ѣхала сюда изъ Крыма, все представлялось ей скучнымъ и убогимъ и не стоившимъ того, чтобы сюда пріѣзжать.

Черезъ три часа остановились. Пока лошади отдыхали и жевали овесъ, Женя разливала чай, угощала всѣхъ пирожками и котлетами и это ей нравилось, и ей казалось, что она уже большая и что если она не позаботится о мужчинахъ, то они останутся голодны и

не догадаются поѣсть сами. Затѣмъ снова отправились въ путь. Вѣхали опять часа два и наконецъ выѣхали къ Волгѣ. Громадная, величественная, полноводная, она катила свои струи изъ края въ край и терялась въ далекой синевѣ луговъ и лѣсовъ. Внизу, у берега стояла пристань. Тянулись длинные плоты, буксирные пароходы тянули за собой цѣлые караваны баржъ, виднѣлись паруса. Экипажъ подѣхалъ прямо къ пристани, около которой уже стоялъ большой, двухъэтажный пароходъ. Дѣти соскочили съ него и стали разминать уставшіе члены. Носильщики взяли вещи — и вотъ Женя уже на пароходѣ и глядитъ на Волгу. Яркое солнце отражается на ея зыби, такъ что больно смотрѣть. На противоположной сторонѣ видны деревни, помѣщичьи усадьбы и, кажется, глазомъ не окинешь этого безграничнаго пространства. Затѣмъ раздаются гудки и пароходъ отчаливаетъ отъ пристани. Дѣти машутъ кучеру руками и онъ кланяется имъ и тоже машетъ шапкой. По мѣрѣ удаленія берегъ все шире и шире развертываетъ свою понораму и передъ Женей съ обѣихъ сторонъ, точно лента въ кинематографѣ, тянутся все новые и новые виды, сверкаютъ маковками колокольни, проползаютъ лѣса и засѣянные поля, деревеньки и усадьбы, — и ей хочется соскочить съ парохода, пробѣжаться по этимъ дорожкамъ и деревнямъ и поговорить

съ этими мальчишками, которые стоятъ теперь на берегу у самой воды и привѣтливо машутъ своими картузами пароходу.

Около Жени стоятъ Сергѣй Андреевичъ, Вѣрочка и тоже не могутъ оторваться отъ красиваго зрѣлища. Дима, и Федоръ Степановичъ ходятъ по всему пароходу заглядываютъ повсюду и стараются разглядѣть, какъ въ немъ устроена машина и какъ дѣйствуетъ руль. Проходятъ часы, а пароходъ все идетъ и идетъ и Женя все время стоитъ на его балконѣ и глядитъ на Волгу и берега. Она не можетъ оторвать отъ нихъ глазъ.

— Какъ у васъ здѣсь, дядя, хорошо! говоритъ она наконецъ.

Сергѣй Андреевичъ склоняется надъ ней и цѣлуетъ ее въ голову.

— Я-же говорилъ тебѣ, отвѣчаетъ онъ, — что ты полюбишь нашу сѣверную природу и будешь считать ее своей!

Но вотъ ужъ вдаль показывается и Ярославль. Черезъ какихънибудь двадцать минутъ путь будетъ оконченъ и для Жени, Вѣрочки и Димы съ завтрашняго дня должна будетъ начаться новая жизнь. Завтра у нихъ будутъ пріемные экзамены въ гимназію. Всѣ спѣшатъ уложить свои вещи, связываютъ узлы и укладываютъ чемоданы. Раздаются городскіе звуки, стукъ о мостовую извожичьихъ колесъ, благовѣстъ — и пароходъ причаливаетъ. Слышится говоръ встрѣчающихъ и

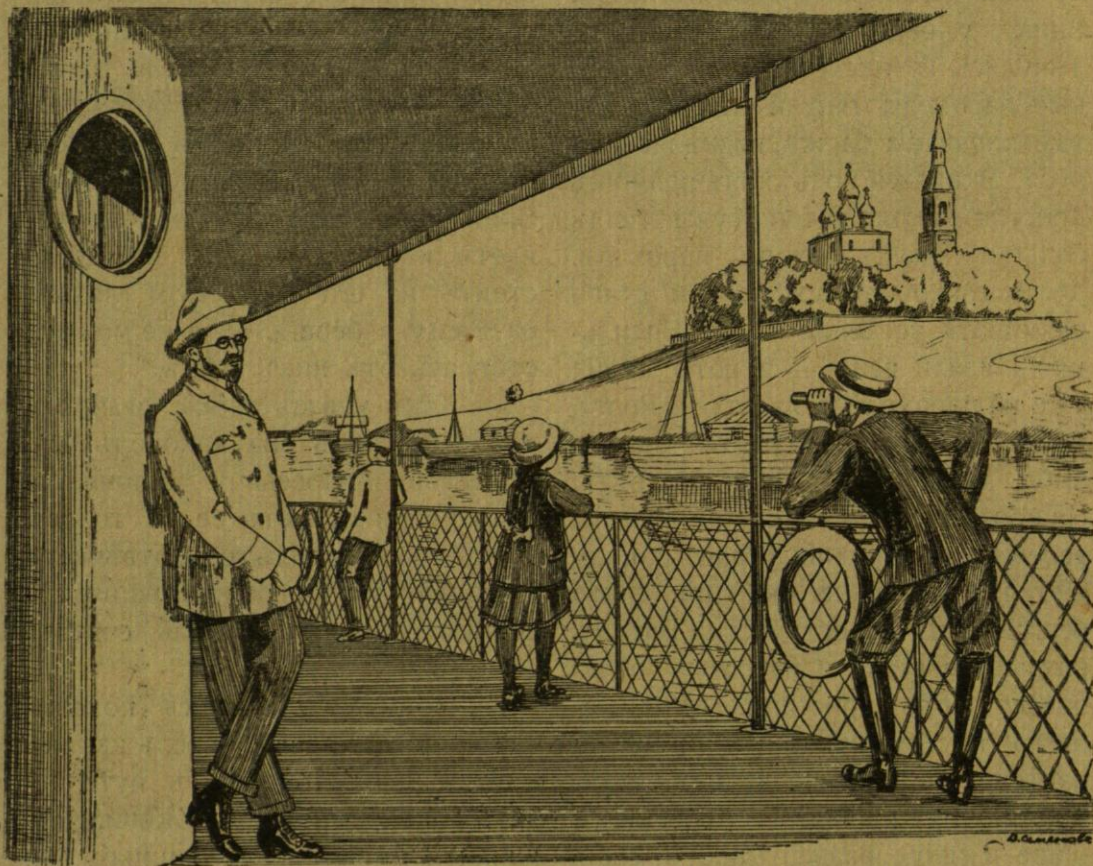
провожающихъ, крики «сторонись» и «берегись» и вся публика живой волной устремляется на берегъ.

Путь конченъ. Приѣхали! Наши путешественники садятся на извозчиковъ и ѣдутъ въ гостинницу.

Наталью Кирилловну—воспоминанія толпой нахлынули на нее и смутили ей душу.

Гдѣ-то няня теперь?

А няня Наталья Кирилловна въ этотъ день гуляла съ Марусей по

Пароходъ все идетъ и идетъ и Женя все время стоитъ на его балконѣ и глядитъ на Волгу и берега.

Вдоль бульвара бѣжитъ трамвай, тянутся ломовые, идутъ прохожіе. Но Женя не смотритъ ни на что, ее не занимаютъ ни городъ, ни трамвай. Ей показалось, что при выходѣ изъ парохода на пристань, она видѣла въ толпѣ свою няню

набережной въ Ярославлѣ, глядѣла на Волгу и на пристававшіе пароходы, вспоминала о Черномъ морѣ и объ Учѣ-Коѣ и мечтала о свиданіи съ Женей, вовсе даже и не подозрѣвая, что видѣла тотъ самый пароходъ, на которомъ Женя под-

плывала въ это самое время къ Ярославлю.

— Гдѣ-то она въ этихъ мѣстахъ недалеко... говорила она Марусѣ. — Не то въ Костромской, не то въ Ярославской губерніи. Какъ звать имѣніе-то самое, я знаю, а вотъ гдѣ оно находится—совсѣмъ, старая дура, позабыла. Вѣдь цѣлые девять лѣтъ! Не мудрено! А они уѣхали и толкомъ адреса не сказали... Только-бы вотъ узнать, гдѣ Женюша живетъ?..

Но ни Маруся, ни ея родители ничего не знали ни о Сергѣѣ Андреевичѣ, ни объ имѣніи Ильинскомъ.

— А ты, няня, ей напиши! посоветывала Маруся.—Она тебѣ отвѣтитъ, и ты будешь знать, гдѣ она.

Наталья Кириловна грустно улыбнулась и покачала головой.

— Да куда писать-то? отвѣтила она.—Знала-бы, такъ и давно написала-бы!

Погулявъ по набережной, онѣ посидѣли на лавочкѣ и отправились затѣмъ за Васей, который въ это время былъ въ гостяхъ у своего товарища. Вася вышелъ къ нимъ веселый, розовый, задорный — и всѣ трое они, опять по набережной, отправились къ себѣ домой.

Заходило солнце,

деревья была покрыты свѣжею, душистою листвою, съ Волги тянуло прохладой и запахомъ воды и хотѣлось въ поле, куда-то туда, гдѣ небо сходилось съ землею и гдѣ на далекомъ горизонтѣ синѣли на томъ берегу Волги лѣса.

— Вотъ-бы теперь въ деревню! воскликнулъ Вася.

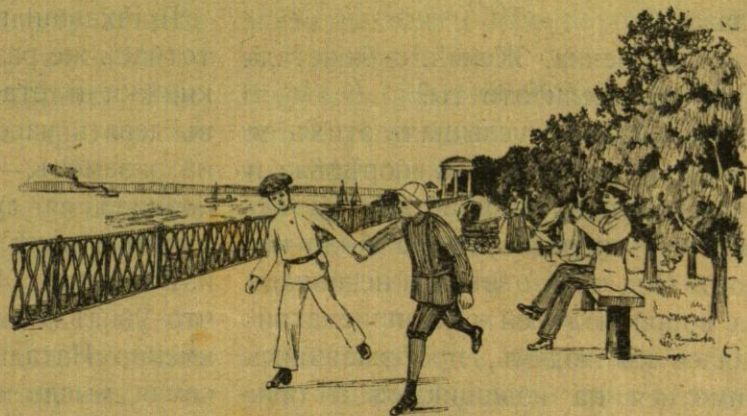
— Да, отвѣтила няня,—въ деревнѣ теперь хорошо. Хорошо и въ Крыму, гдѣ я жила у Жени. Узнать-бы только, гдѣ она теперь, такъ можно было-бы поѣхать въ гости и къ ней.

Въ это время къ берегу причаливалъ пароходъ, на которомъ плыла Женя.

— Пойдемте его встрѣчать! предложилъ Вася.

— Пойдемте! отвѣтила Маруся.

Времени еще было достаточно и Наталья Кирилловна повела ихъ на пароходъ. Онъ описалъ широкую дугу и тихонько причалилъ къ

Федоръ Степановичъ сѣлъ на лавочку и сталъ читать газету, а мальчики еще долго бѣгали и рѣзвились.

пристани. Няня любила встѣчать пароходъ и когда онъ приходилъ и отходилъ, то ей казалось, что она ѣхала на немъ сама. Взявши за руки Васю и Марусю, она стояла теперь на пристани и, затертая толпой, боялась, какъ-бы кто-нибудь не толкнулъ или не прижалъ ея дѣтей. Бросили сходни и пассажиры массаами повалили съ парохода на берегъ. Няня глядѣла то на нихъ, то нагибалась къ Васѣ и Марусѣ и вдругъ лицо ея какъ-то странно перемѣнилось. Она вздрогнула, вся вспыхнула и затрепетала. Ей показалось, что въ толпѣ она увидѣла свою милую, дорогую, ненаглядную Женю. Дѣвочка шла, взявшись за руку съ какимъ-то господиномъ — это былъ учитель Федоръ Степановичъ, — и скоро смѣшалась съ другими и потерялась въ толпѣ. Няня рванулась впередъ, хотѣла было протискаться къ выходу, но ее затерли и осадили назадъ. Слезы навернулись у нея на глаза.

— Женечка, Женя!.. залепетала она. — Неужели это ты?

Но никто не услышалъ этихъ ея словъ и когда толпа порѣдѣла и ее выпустила съ пристани на берегъ, то впереди уже не было никого. Она шла, отвѣчала невпопадъ на вопросы дѣтей и все присматривалась къ людямъ, проѣзжавшихъ мимо нея на извозчикахъ и прислушивалась, не окликнетъ-ли ее кто-нибудь?

Но ее не окликалъ никто и ей стало уже казаться, что она ошиблась, что это вовсе была не Женя, а кто-то другой, и ей было досадно и обидно, что она во время не сумѣла протиснуться сквозь толпу и убѣдиться, что это дѣйствительно была она.

— Старая дура! ругала она себя. — Слѣпая курица! Не умѣла разглядѣть какъ слѣдуетъ!

И обратившись къ дѣтямъ, она робко спросила:—

— Вы не замѣтили, дѣти, какъ выходили съ парохода дѣвочка и съ ней какой-то господинъ въ соломенной шляпѣ?

Маруся вопросительно посмотрѣла на няню, постаралась припомнить, но вопросъ былъ заданъ въ такой формѣ, что на него трудно было отвѣтить.

— Дѣвочка? переспросила она. — Нѣтъ, не помню...

И они отправились къ себѣ домой.

Приѣхавши въ гостинницу, Женя тотчасъ-же развязала узлы, достала книжки и стала учиться. Завтра, въ девять часовъ утра, ее поведутъ на экзаменъ, — и безпокойство наполнило ея душу. Къ тому-же и мысли о нянѣ не выходили у нея изъ головы. Женя была увѣрена, что увидѣла въ толпѣ именно ее, именно Наталью Кирилловну, хотя самая мысль объ этомъ казалась ей вздорной и несбыточной.

«Ну, какъ она могла сюда по-

пасть?» думала она.—«Нѣтъ, это я ошиблась!.. Это простая случайность!»

И чтобы не думать больше о нянѣ, она зажала ладонями уши и стала повторять вслухъ то, что давно уже знала наизусть.

Глядя на нее, принялся за книги и Дима. Но онъ не сидѣлъ за столомъ, а расхаживалъ по номеру взадъ и впередъ и во все горло повторялъ заповѣди и молитвы.

... «Мартышка къ старости слаба глазами стала,» скороговоркой и тихонько зубрила Женя,—«а отъ людей она слыхала, что это зло... что это зло не такъ большой руки. Лишь стоитъ завести очки»...

А Дима шагаль въ это время изъ угла въ уголъ и, сколько у него было голоса, кричалъ:—

— «Чти отца твоего и матеръ твою и благо ти будетъ и долготѣнъ будеши на земли»...

Отъ смѣшенія ихъ голосовъ получалась неразбериха и если-бы кто нибудь въ эту минуту вошелъ къ нимъ въ номеръ, то могъ-бы подумать, что дѣти ссорятся и никакъ не могутъ другъ дружку понять.

Сергѣй Андреевичъ съ учителемъ оставили ихъ однихъ, а сами отправились куда-то по дѣламъ.

Проучившись цѣлый часъ, Женя, Дима и Вѣрочка устали, подошли къ окну и сладко потянулись. Утомившись носиться по комнатѣ, какъ локомотивъ, Дима усѣлся на стулъ

и сказалъ: — Уфъ! Даже вспотѣлъ!

— Тебѣ надо постричься... обратилась къ нему Женя.—Ты весь обросъ... Волоса, какъ у отца дьякона. Ну, какой-ты гимназистъ?

Дима помоталъ головой и задумчиво отвѣтилъ:—

— Все равно я провалюсь! Я не знаю ровно ничего. Стоитъ-ли поэтому стричься и тратить гривенникъ!

Но Женя уже не слыхала его. Передъ ея глазами вновь пронеслась картина высокаго берега Волги, на которомъ возвышались дома и церкви Ярославля и виднѣлся бульваръ. Она стоитъ на пароходѣ и глядитъ на постройки. Здѣсь она будетъ учиться и жить. Этотъ городъ будетъ ея второй родиной. Но вотъ пароходъ причаливаетъ къ пристани. На ней масса людей: провожающіе, встрѣчающіе и носильщики. Женя сбѣгаетъ внизъ, укладываетъ вещи и въ толпѣ, рука за руку съ учителемъ, выходитъ изъ парохода. Но что это? Неужеля это не сонъ? Неужели глаза не обманули ее? Передніе ряды публики разрываются и сквозь нихъ она видитъ тамъ, въ глубинѣ, у самой стѣны пристани, свою няню Наташу. Неужели это она? На какой нибудь моментъ, на какую-нибудь сотую долю секунды глаза ихъ встрѣтились, обѣ онѣ, казалось, узнали одна другую, и вслѣдъ затѣмъ толпа снова заволновалась, подхватила Женю и

учителя и вынесла ихъ на берегъ.

Нѣтъ, это былъ сонъ, это былъ обманъ зрѣнія! Все это время Женя думала о своей нянѣ и вотъ ей и показалось, что она увидѣла ее въ толпѣ.

И, стряхнувъ съ себя свои мысли, Женя опять потянулась и поглядѣла на Диму и Вѣрочку. Оба они уже дремали.

— Ты усталъ, Дима, спать хочешь? обратилась она къ мальчику.

— Да, отвѣтилъ Дима.—Должно быть, папа и Ѳедоръ Степанычъ вернутся еще не скоро, я хотѣлъ бы чего-нибудь покушать...

— Я тоже... сказала и Вѣрочка.

Женя достала изъ корзинки пирожковъ и печенья, раскупорила бутылку молока и покормила ихъ. Усталость и масса впечатлѣній за дорогу утомили и ее, она развязала постельное бѣлье, подушки и одѣяла, устроила всѣмъ постели и, видя, что Дима совсѣмъ уже спитъ, подвела его къ умывальнику и умыла его сама.

— Ложись, сказала она.—Ложись и ты, Вѣруска! Спице крѣпко!

Съ закрытыми глазами Дима едва имѣлъ силъ раздѣться, бросился въ постель и сладко заснулъ. Его примѣру послѣдовала и Вѣрочка.

Уложивъ ихъ, Женя снова открыла книгу и стала повторять уроки. А когда въ десятомъ часу возвратились въ гостиницу Сергѣй Анд-

реевичъ и Ѳедоръ Степанычъ, то они застали ее все еще сидѣвшею за столомъ. Протянувъ одну руку вдоль книги и положивъ на нее свою голову, Женя крѣпко спала и по выраженію ея личика можно было догадаться, что она видѣла сладкій сонъ.

Приемные экзамены и въ мужской и въ женской гимназій случайно приходились на одинъ и тотъ-же день. Еще наканунѣ было рѣшено, что Диму поведетъ на экзаменъ Ѳедоръ Степановичъ, а Женю и Вѣрочку—Сергѣй Андреевичъ. Являться было нужно къ девяти часамъ утра, но Женя въ семь часовъ уже была на ногахъ. Она разбудила всѣхъ, заказала самоваръ, напоила всѣхъ чаемъ и стала собираться въ гимназію. Дима вскопчилъ, какъ встрепанный, быстро одѣлся, проглотилъ свой чай и, заходявъ по комнатѣ, снова принялся за зубреніе.

— Довольно! Отдохни! сказалъ ему отецъ.—Передъ смертью не надышешься!

Черезъ полчаса они отправились на экзамены. Пройдя половину бульвара, Женя съ Сергѣемъ Андреевичемъ и Вѣрочка свернули направо, а Дима съ учителемъ влѣво. Такъ они и разстались. Дима выдержалъ экзамены отлично. Онъ такъ кричалъ, когда отвѣчалъ, что ээаменовавшіе его учителя и батюшка улыбались. Одинъ изъ мальчиковъ-гимназистовъ, сидѣвшій тутъ-же и

державшій переэкзаменовку, плѣнился его смѣлостью и деревенскимъ видомъ и толкнулъ въ бокъ товарища.

— Хомутовъ, обратился онъ къ нему,—смотри, какъ онъ здорово отвѣчаетъ!

Вася Хомутовъ и самъ уже давно смотрѣлъ на Диму. Что-то заранѣе влекло его къ нему и ему хотѣлось познакомиться съ нимъ поближе.

Но вотъ экзамень оконченъ. Теперь Дима уже гимназистъ. Съ сознаниемъ исполненнаго долга онъ отправляется къ себѣ на мѣсто, чтобы собрать свои пожитки и идти домой.

— Иди, иди сюда! вдругъ обращается къ нему Вася, хватается его за руку и притягиваетъ его къ себѣ.

— Молодчина! говоритъ онъ.— Теперь тебѣ купятъ форменную фуражку и длинные штаны! Пойдемъ вмѣстѣ!

И какъ это часто случается между дѣтьми, они какъ-то сразу сошлись, разговорились и понравились другъ другу. Изъ гимназіи они пошли вмѣстѣ. Ѳеодоръ Степанычъ былъ доволенъ и долго спрашивалъ Диму объ экзаменахъ.

За Васей зашла няня Наталья Кириловна. Маруся задержалась въ гимназіи. Увидавъ Диму, няня оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и съ такимъ видомъ, будто хотѣла задать ему вопросъ: гдѣ она уже

однажды его видала? Но память уже измѣнила ей, она не узнала Диму и, взявши отъ Васи книжки, повела его домой.

— Пойдемъ съ нами! обратился къ Димѣ Вася.—Проводи насъ!

До обѣда было еще далеко, учителю хотѣлось пройтись по набережной, онъ согласился и они пошли всѣ вмѣстѣ.

Около бесѣдки надъ обрывомъ имъ попалась навстрѣчу какая-то дама. Это была Ольга Ивановна.

— Мамочка! Мама! бросился къ ней Вася.

Она поцѣловала его въ розовую щеку. За компанію съ нимъ къ ней подбѣжалъ и Дима.

— А это кто? спросала она у сына.

— Это мой новый товарищъ Дима! отвѣтилъ Вася.—Теперь онъ тоже въ нашей гимназіи. И будетъ здѣсь жить! Вотъ и его учитель!

Ольга Ивановна перевела глаза на Ѳеодора Степановича. Онъ приподнял передъ ней шляпу и поклонился. Они познакомились, пожали другъ другу руку, но обоимъ въ первую минуту было какъ-то неловко.

— Няня, обратилась Ольга Ивановна къ Наташѣ,—ты не ходи сегодня за Марусей въ гимназію. Я зайду за ней сама!

И, кивнувъ головою, Ѳеодору Степановичу и дѣтямъ, она отправилась вдоль набережной.

Но вотъ и домъ, гдѣ живетъ Вася.

Няня вошла въ ворота, Ѳедоръ Степановичъ сѣлъ на лавочку и сталъ читать газету, а мальчики еще долго бѣгали вмѣстѣ около него и рѣзвились.

На Волгѣ шли пароходы, тянулись плоты, а по ту сторону ея виднѣлись безконечныя голубыя дали, убѣгавшія за горизонтъ.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРАЯ СОБАКА.

Всю жизнь я домъ оберегала,
Своихъ хозяевъ стерегла,
Меня-жъ кормили очень мало,
Бды лишали и тепла.

Меня всѣ гнали, не любили,
Считали лишней во дворѣ,
Моихъ щенятъ въ рѣкѣ топили,
Иль просто въ кухонномъ ведрѣ.

Меня не разъ на цѣпь сажали,
И въ довершеніе бѣды
По цѣлымъ суткамъ забывали
Мнѣ дать хоть капельку воды.

Но все-жъ вѣрна я господину,
Люблю его, его жену,
И лишь тогда я ихъ покину,
Когда въ послѣдній разъ вздохну.

Аистъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Въ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ отгадать по первому слову, составить изъ этихъ словъ фразу, такъ чтобы получилась изъ нихъ загадка, и разгадать загадку.

- 1) ... посѣешь, то пожнешь.
- 2) ... болотомъ поднялся туманъ.
- 3) ... будетъ съ успѣхомъ окончена эта тяжелая война.
- 4) ... по Волгѣ плыть труднѣе, чѣмъ внизъ по теченію.
- 5) ... человекъ ходитъ по землѣ, а руками работаетъ.

Какая это загадка?

II.

Задуманное слово состоитъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы 9. 5. 7. 5. 6. 8—означаютъ то, безъ чего нельзя ѣздить на колесахъ, 6. 5. 7. 5. 9. 10—большое поселеніе, 5. 3. 4. 8. 9. 8—радостное чувство, 1. 5. 7. 3. 10—убѣжище для кораблей, 1. 5. 4. 3. 7. 2. 3. 10—чье-нибудь изображеніе, 1. 5. 7. 5. 6. 10—то, что иногда бываетъ у дверей.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе большого, прекраснаго города.

Какой это городъ?

(III шутка).

Въ ригѣ, на стропилахъ подъ крышей, сидѣли рядкомъ двѣ совы. Случился пожаръ, рига подгорѣла снизу и крыша ея рухнула. Совы упали на землю.

Что при этомъ случилось?

IV (шутка).

Вдоль рѣки Днѣстра летѣла стая стрекозъ, а по берегу паслись козы и мирно щипали траву. Поднялся вѣтеръ и загналъ стрекозъ на самую середину рѣки. Онѣ упали въ воду и потонули.

Спрашивается: что дѣлали на днѣ стрекозы?

V.

- 1) То, чѣмъ пашутъ землю,
- 2) Надоѣдливое насѣкомое,
- 3) То, что водится въ рѣкѣ.

Первая и послѣдняя буквы каждая изъ этихъ трехъ словъ составить слогъ; значить, такихъ слоговъ выйдетъ три.

Изъ этихъ трехъ слоговъ составить новое слово, которое должно означать названіе города по большой русской рѣкѣ.

(Предложилъ Тушканчикъ).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 3, помѣщенныхъ въ № 3 «Золотого Дѣтства».

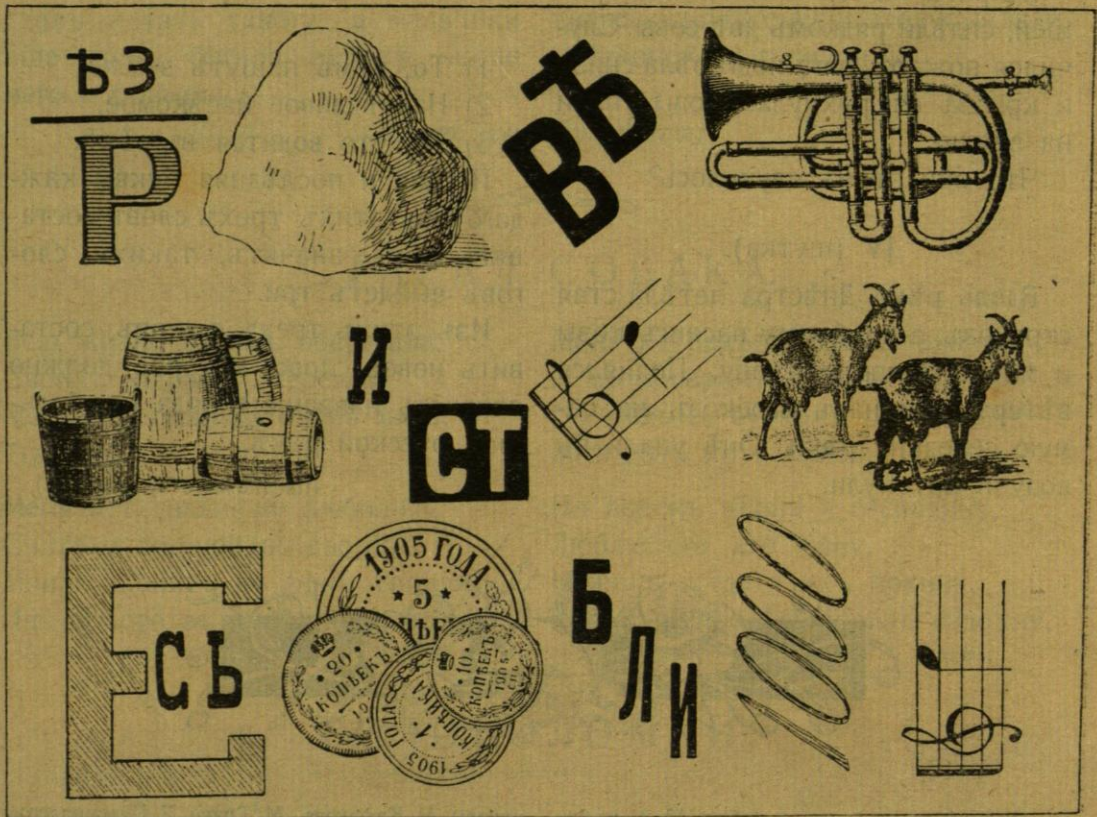
Головоломки: I. Пи(рогъ)+столѣтъ=пистолеть. II. Со(бака)+ло(шадь)+(мура)вей=соловей. III. Чудо, крыло, копыто=долото. IV. Мокрый и красный. V. Сажа, поле, гитара=сапоги. VI. Бумага, столица, канарейка=малина. VII. Польша+оса=полоса. VIII. По азбукѣ, отъ земли, за плечами; слово «поѣздъ» состоитъ изъ шести буквъ.

Ребусъ № 3. Уста+рой+ус+адь+быкъ+оси+лира+ботъ+ни+китъ+ра въ у=У старой усадьбы косили работники траву.

Вѣрные рѣшенія прислали: Н. Мамчевъ, И. Ильина, С. Липскерова, Н. и Ж. Янсенъ, М. Рапопортъ, В. Лейманъ, А. Неѣловъ, Т. Веймарнъ, М. и О. Томашевскіе, Л. Цитовичъ, И. Зуйкина, Н. Ефимова, З. и К. Румянцевы, О. Бѣлоярцева, Л. Евстифѣевъ, С. Морозовичъ, Д. Михайлова, Л. Невгина, Дѣти Писаревы, М. Костина, Антоновичъ, Г. Затмилова, Н. Губаръ, Ю. и Р. Мол-

чановы, Н. Крючковъ, М. Граве, Е. Цургмиллеръ, О. Колобакина, В. Миронова, Ю. Молчановъ, С. Лукичева, Н. Жданова, В. Михайловская, К. Яблонскій, Ю. Чернявская, Н. Щербовичъ, Н. и И. Рукавы, В. Ѳедоровъ, М. Вейштордъ, М. Гартманъ, А. Моховъ, В. Боголюбскій, Г. М. Афанасьевъ, Бр. Вербицкіе, Е. Дубровинъ, Л. Котляръ, Ж. Самосьевъ, М. Шульцъ, Л. Чудинова, И. Панченко, Б. Кенигсвальдъ, К. и В. Бабенко, Н. Когновицкая, Я. Тихомировъ, Б. Быстряковъ, Н. Миргородская, Оксаночка и Гришутикъ, С., А. и К. Праги, С. Кузановъ, Н. Карлинъ, А. Поповъ, К. Фонтонъ, М. Нашивочникова, П. Бронниковъ, Т. Завѣтновская, Т. Самойловичъ, М. Павловская, В. Бронниковъ, Н. Айзенбергъ, В. Гуленко, Г. Цевелевъ, С. и В. Деньга, Н. Горошковъ, О. Короваева, М. Четчуева, К. Лацинскій, К. Криворучко, Л. Глоба, Б. Сыркина, З. и Т. Чертовы, Н. Е. Федоровъ, А. Лоренцъ, А. Воздвиженская, М. Лѣскова, К. Ф. Дитрихъ, Н. Евдокимовъ, В. Эбергартъ, Г. Козеровскій, В. Могильниковъ, В. Захарова, Н. Сутокскій.

Ребусъ № 5.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „ДРУЖОКЪ И ТОМКА“.
2. „ВЪ НЕВОЛЪ“.
3. „БРАТЬ И СЕСТРА“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на 1917 годъ.
 НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
 ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.
 Выходить ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналь отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМВРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски), ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

— — — **1) КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:** — — —

(куклы, занавѣсъ, декорация, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложение, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

— — — **„СО ДНА ПРОПАСТИ“.** — — —

◆ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ◆

Головоломки и ребусы, помѣщаемыя въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученый Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ изъ выписки въ учебныя библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 Р. 80 К.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.